

А.А. Чемшит

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ РОССИИ (О СТАЛИНЕ И СТАЛИНИЗМЕ): СУЖДЕНИЯ И СМЫСЛЫ

Поднимается вопрос о месте и роли советской эпохи в истории российского государства. Основное внимание уделяется анализу сталинизма как экономической, социальной и идеологической основе советского периода. Выдвигается идея слияния «белого» и «красного» проектов в единую общенациональную идею современной России.

Ключевые слова: советская эпоха, сталинизм, «Белый проект», «Красный проект», доминантная идеология, национальная идея.

A.A. Chemshit

SOVIET PERIOD IN RUSSIAN HISTORY (ABOUT STALIN AND STALINISM): OPINIONS AND SENSES

The article raises the matter of place and role of Soviet era in the history of Russian state. A special attention is paid to the analysis of Stalinism as economical, social and ideological base of Soviet era. Confluence of «white» and «red» projects in united national idea of modern Russia is put forward.

Key words: Soviet era, Stalinism, «White project», «Red project», dominant ideology, national idea.

*«Времена не выбирают,
В них живут и умирают...»*

Совсем немного времени осталось до 100-летия крупнейших событий в российской истории. В 1917 году страна пережила две революции: февральскую и октябрьскую – и перестала существовать в своем, продолжавшемся столетия, варианте. Наступил советский период, продлившийся три четверти века и кардинально изменивший судьбу России, политическую, хозяйственную, религиозную сферы жизнедеятельности, культуру и быт, образование и мировоззрение.

Новая власть имела задачей до основания разрушить старый уклад и на его обломках построить новый мир. Весь предыдущий ход истории был отвергнут, новоявленная эпоха решительно отрекалась от прошлого как трагического недоразумения, самонадеянно рассматривая его как изжившего свой век, ставшего на пути народного достоинства, благополучия и счастья. Революция обещала построить новое общество, отвечающее человеческой природе, причем в кратчайшие сроки, в пределах жизни одного поколения.

В наши планы не входит давать развернутую картину всего того, что относится к триумфу советской власти, равно как ее трагическим страницам. Свою задачу мы видим в том, чтобы при-

влечь внимание к важному вопросу: «Созрели ли научная мысль, политикум и общество в целом к консолидированной оценке советской эпохи в истории нашей страны?» Нам представляется, что в канун 100-летия отречения императора и большевистского переворота невозможно игнорировать и откладывать на потом постановку вопроса такой важности.

В 90-е годы прошлого века либеральная, антикоммунистическая революция поступила с советским наследием ровно по-большевистски. «Волонтеры демократии» отреклись от «развитого социализма» с не меньшим энтузиазмом, чем революционные рабочие и матросы от буржуазного строя. Произошел передел собственности, рушилась символика, переименовывались города и улицы, произошла тотальная переоценка ценностей: царствующие персоны и «Белая гвардия» стали почитаемы, а «Красная гвардия» вкупе с вождями революции были демонизированы. Дореволюционный период был реабилитирован, а советская эпоха осмеяна и ошельмована. Особенно досталось Сталину и сталинизму, видимо за то, что они составляют фундамент и несущие конструкции советской истории.

В последнее время в общественном сознании и политическом мировоззрении произошли определенные перемены. В их числе признание гражданской войны – национальным бедствием, революции – лишенным смысла насилием, Победы в Великой Отечественной войне как величайшей ценности советского народа. Все более как внутри общества, так и в политических кругах будируется идея консолидации, единения народа на базе некой национальной идеи, назовем ее доминантной идеологией.

Но остается неясной принципиальная позиция государства по вопросам, стоящим в одном ряду с вышеобозначенными. Озвучим их. Где находится отправная точка русской катастрофы 17-го года – в октябре или в феврале? Быть может, Николай II несет не меньшую ответственность за крах империи, отрекшись от власти, чем Ленин, узурпировав ее? Если гражданская война есть общенациональная трагедия, то, может быть, точка примирения в ней будет поставлена только признанием равной ответственности как «красных», так и «белых» за случившееся? Не пора ли взглянуть на политические репрессии 30-х годов в контексте связи с гражданской войной, в ходе ее установленных правил и норм обращения с политическим противником, а не смотреть на 37-й год сквозь призму «Декларации прав человека» и европейских ценностей XXI века? Не пришло ли время твердо и недвусмысленно заявить, что выиграть войну с фашизмом без достойного Верховного главнокомандующего было бы невозможно? И, наконец, не время ли определиться на самом высоком уровне с отношением к Сталину как политическому и государственному деятелю по примеру государственного руководства Китая, однозначно заявившего, что заслуги Мао Цзэдуна превосходят его ошибки и неудачи?

Как еще Гегель заметил, история есть суждения о мире, а философия истории – отыскание смыслов в этих суждениях. Нам представляется, что заявленная тема должна освещаться в большей степени в философском ключе, но, естественно, с учетом фактического материала, исторических данных.

На наш взгляд, чем сложнее объект исследования, тем он разночтнее и тем меньше шансов «схватить его целиком», во всей полноте и противоречивости. Краеугольным камнем всей советской истории есть вопрос о Сталине и сталинизме. При всем желании рассмотреть его объективно, незаинтересованно едва ли возможно

избежать тех или иных предпочтений, а значит, и оценочных суждений. Феномен сталинизма имеет немало толкований, не претендуя на исчерпывающее видение описывающих этот феномен подходов. Укажем на основные.

«Демонизированный сталинизм». Его характеристики следующие. Беспощадная репрессивная машина, направленная против политических противников. Главным мотивом ее деятельности является сохранение и приумножение личной власти. Сам Сталин предстает как совершенно безнравственная личность (своего рода сатанинская сила), терроризирующая ни в чем не повинных людей, держащая в постоянном страхе своих соратников, полагая их своими подданными. Сталин лично ответственен за лагеря, репрессии, заградотряды и т. д. Результаты 30-летнего правления плачевны. Если и были какие-то общественные успехи и военные удачи, то не благодаря руководству, а вопреки. И как высший приговор: сталинский режим был преступным, по совершенным злодеяниям равен нацизму [1, с. 6; 2–4].

Начало демонизации сталинизма в нашей стране положил Н.С. Хрущев. В дальнейшем эта концепция получила «всестороннее» развитие творческой интеллигенцией и либерально настроенными научными работниками.

«Демонизированному сталинизму» противостоит «Мифологизированный сталинизм». СССР и Сталин – близнецы-братья, без Сталина не было бы СССР, без СССР не было бы сталинизма. Сталинизм сложился и оформился в процессе государственного строительства в СССР. Сталин же – не просто историческая личность, Сталин есть олицетворенная идея.

Личность Сталина – не просто мифологизирована, она, по сути, есть предмет религиозного культа. И не важно, идет речь о полубоге или о полулюцифере, важнее, что в сознании миллионов Сталин – больше, чем человек. Чтобы подняться до уровня Сталина, нужно ставить перед собой нечеловеческие задачи. Сталину удалось не только поставить сверхзадачи перед огромной многомиллионной страной, но и принудить эти нечеловеческие задачи решать. Невозможно отрицать, что он принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой; при нем страна дважды поднялась из руин, была выиграна самая Великая из всех войн, которые знало человечество; государство восстало из пепла, превратилось в могущественную Империю; наука, медицина, образование поднялись до мирового уровня. До полета

Гагарина оставалось всего 8 лет. Ни одно из этих грандиозных достижений нельзя рассматривать в отрыве от системы сталинизма. Сталин присутствует везде и повсюду: в любом проекте, в любой схеме, в любом замысле, в каждом атоме любого вещества, произведенного в Стране Советов. Он за все ответственен: за все взлеты и падения, за все достижения и прегрешения, за право жить и право умереть [1, с. 7; 2, с. 442–444].

Теперь сосредоточимся на авторском понимании того, что такое сталинизм.

В известном смысле сталинизм был подготовлен всем ходом предшествующего развития России. Еще при Николае I стали накапливаться противоречия между традиционным российским укладом и проникающими в Россию идеями и проектами европейского общежития. Самодержавная власть игнорировала новые веяния, считая их неприемлемыми для российской действительности. Таким образом, утверждалось явление исторического запаздывания, что в какой-то момент спровоцировало появление феномена исторического забегания (появление нигилистов, террористов, революционеров, эсеров, большевиков). Весь этот процесс стремительно несся навстречу революции.

В 1917 году в России пришло время для исторического столкновения забегания с запозданием. Консерваторы уже были не в состоянии исполнять охранительную функцию, что привело к отречению царя.

Умеренные революционеры не смогли удерживать политическую ситуацию и открыли путь к власти радикалам, чье имя – большевизм. Большевистский переворот спровоцировал гражданскую войну, в ходе которой произошла решающая схватка между «Белым» и «Красным» проектами.

«Красные» победили. Но лишь формально. По сути, это была Пиррова победа, так как в гражданской войне победителей не бывает, проигрывают обе стороны. «Белые» потеряли Отечество, Веру, собственность, достоинство... Их время кануло в Лету. «Красные» сохранили власть ценой огромных человеческих жертв, невиданных разрушений, голода, холода, опасных болезней. Экономика страны лежала в руинах, по некоторым оценкам, она была отброшена на 200 лет назад.

Практически все 20-е годы ушли на поиск новой властью путей выхода из сложившейся ситуации. Ленинский план НЭПа большевиками воспринимался как временная передышка до разработки генеральной линии. После ухода с

политической сцены Ленина в большевизме формируются три подхода, три видения, три линии будущего страны. Как обычно, их можно обозначить «левый» и «правый фланги», между которыми находится центр.

На левом фланге пребывали такие вожди, как Троцкий и Зиновьев. Смысл октябрьского переворота они сводили к чисто начальной фазе всемирного процесса. Их девиз – мировая революция, а России предстояло лишь «разжигать пожар мировой». Без революции на Западе, считал Троцкий, никакого коммунизма в России не получится. Поэтому советское государство должно было своей стратегией избрать подталкивание мирового революционного процесса, без какой бы то ни было внятной внутренней политики.

Правое крыло (Бухарин, Рыков, Томский) также были приверженцами мировой революции, но отличались от «левых» наличием «внутреннего плана». Рассчитывать нужно на победу мировой революции, но внутри страны следует ее встречать, решая внутренние задачи. Главная задача состоит в том, чтобы стать дополнительным фактором к фактору Западному. Запад – индустриально развит, его следует дополнить русским достоинством. Россия по своей сути аграрная страна, отсюда – надо развивать ее аграрную сущность, дабы соединить ее с промышленной сущностью Запада в случае победы там революционного пролетариата.

До окончательного выбора «генеральной линии» Сталина можно было считать центристом в сложившемся раскладе политических сил. В ходе теоретических споров и политических баталий у него сформировался собственный взгляд на перспективу страны. По мере усиления своего влияния Сталин перевел теоретическое представление в практическую плоскость, то есть предложил новый политический курс. Его суть заключалась в отказе от мировой революции как утопического проекта и построение социализма в СССР – отдельно взятой стране [5, с. 355].

Иных, кроме трех обозначенных, проектов внутри правящей партии не было, следовательно, оставаясь на почве реализма, предстояло остановиться на одном из них.

В некоторых либеральных научных кругах встречаются суждения, что было бы здорово, если бы к власти пришел не Сталин, а, скажем, Рыков. Тогда история нашей страны сложилась бы иначе. «Не было бы массовых расстрелов, лагерей, голода, близорукой внешней политики. Гитлер или

не решился бы напасть на Советский Союз, или Красная армия, в которой не уничтожались бы годами командные кадры, не пустила вермахт дальше Днепра...» [4, с. 7].

Нам же положение дел представляется совершенно иначе. Оба крайних проекта были обречены на неудачу. В отношении троцкизма это выглядит вообще бесспорно, так как в 20-е годы на Западе международное коммунистическое революционное движение пошло на спад и во все последующее время не имело шансов серьезно возродиться. Троцкизм в своих расчетах и аргументах все более терял влияние и первым отпал из числа возможных.

Позиция правых была сильнее, чем у Троцкого. Она предлагала менее болезненный путь оздоровления предельно ослабленного общества. Возобладей она, видимо, удалось бы избежать крайностей коллективизации и ужасов голода. Потребность в ГУЛАГе также, пожалуй, отпала бы. Но не следует упускать из виду, что успех правых был все же поставлен в зависимость от перспектив мировой революции и благоприятной внешнеполитической обстановки. Рассчитывать на то, что страна пойдет по пути процветания в обстановке не коммунизации, а фашизации Европы и что Гитлер откажется от похода на Восток, серьезно не стоило. Еще более неубедительным выглядит тезис об оказании достойного сопротивления такому агрессору, как фашистская Германия. Как известно, без артиллерии, танков и авиации во Второй мировой войне делать было нечего. А чтобы иметь военную промышленность, нужно было провести индустриализацию, на чем настаивал Сталин и против чего выступали правые. Одним словом, если бы в большевизме взяли верх Бухарин с Рыковым, СССР к войне не был бы готов и ее исход был бы предрешен не в нашу пользу.

Итак, зарождение и становление сталинизма было детерминировано как объективными условиями, так и осознанием преобладающей частью политической элиты предпочтительности новой национальной идеи, за которой стоял Сталин.

Сложившийся или «зрелый» сталинизм следует рассматривать с учетом как достижений, так и потерь. Любая односторонность в этом плане препятствует полноте представлений. Подход к пониманию и оценкам сталинизма должен быть системным, то есть этот феномен должен рассматриваться во всей совокупности существенных связей и зависимостей, а не выборочно и фраг-

ментарно. Следуя такой методологии, мы приходим к следующим заключениям.

Сталинизм был единственно возможной в тех условиях программой, стратегией и тактикой выживания страны [1, с. 31]. Подчеркиваем, не нормальной жизни, а выживания социума в сложившихся условиях. В 1931 году Сталин отмечал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [6, с. 39]. Индустриализация страны была тяжелым, но безальтернативным стратегическим выбором, если, конечно, не забывать о суверенитете и независимости государства.

В XX веке популярным стало использование термина «экономическое чудо»: «Японское чудо», «Корейское чудо», «Китайское чудо». Нам же представляется, что индустриализация в СССР также заслуживает быть названной «экономическим чудом». Итогом сверхмобилизации всех сил и ресурсов страны стало насыщение отсталого хозяйства России небывалым количеством машин, станков и других орудий производства. Когда сегодняшние граждане России не могут понять, за что тогдашние жители СССР любили Сталина, они не принимают в расчет, что чувство гордости тогда переполняло каждого. Все видели результаты тяжелейшего труда – тысячи новых заводов и фабрик. Вот наглядные цифры итогов сталинского руководства экономикой предвоенного СССР: в результате политики индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе в течение 1940 года показатели 1913 года были превзойдены: по производству чугуна – в 4 раза, стали – в 4,5, угля – в 5,5, нефти – в 3,5, хлопка-сырца – в 3, товарного зерна – в 1,8. Не забудем, что восстановление народного хозяйства стартовало не с показателей 1913 г., а с уровня времен Петра I [7, с. 133].

В сталинизме важно выделять и разграничивать две составляющие: практически-политическую и целеполагающе-смысловую, проще говоря: цели и результаты с одной стороны и приемы, методы и средства – с другой [8]. Если говорить о практике сталинизма, то, будучи адекватной уровню политической культуры своего времени, она исчерпала себя исторически. Что же касается смысловой компоненты сталинизма, то она, на наш взгляд, не только не есть исторический пережиток, но все более актуализируется в наши дни.

Если отвлечься от обязательной в то время марксистско-ленинской риторики, а в анализе

сталинизма делать упор на проводимую государственную политику, то не трудно заметить, что Сталин постепенно утратил интерес к догмам классиков и установкам ортодоксального большевизма. Сталинское наследие, которое является востребованным в наши дни, сводится к двум простым идеям: величие государства (национальный суверенитет) и социальная справедливость [9, с. 358].

Именно эти две идеи в едином пакете могут претендовать на роль искомой национальной российской идеи или доминантной идеологии (социал-консерватизм) России. Таким образом, Сталин символически, посредством социал-консервативной идеологии (неосталинизм) может быть во второй раз востребован в контексте возрождения могущества Отечества и полевения экономической линии государства. Речь идет о полном восстановлении народного единства, слиянии «Белого» и «Красного» проектов, преодолении разрыва в отечественной истории, полноценном включении советской эпохи в общероссийский исторический процесс.

Еще при Сталине произошел отказ от крайностей октябрьской революции (троцкизма) и возврат к традиционному русским ценностям и символам: возвращены воинские звания и погоны; вместо народных комиссаров вернулись посты

министров; была реабилитирована православная церковь; изменилось отношение к некоторым царствующим особам; произошел отказ от классовой оценки некоторых героических страниц России и славы русского оружия.

Сегодня у нас нет разумной альтернативы развитию в рамках обобщенных ценностей «Белого» и «Красного» проектов. Их костяк составляют обозначенные общенациональные идеи: возрождение былого величия государства и установление социальной справедливости; доминантная идеология – социал-консерватизм; комбинированная символика – Герб (белый), Флаг (белый), Гимн (красно-белый). Уже воспринимаются как норма сосуществования Мавзолея Ленина и Храма Христа Спасителя, красные звезды на Спасской башне и памятник Александру II; названия городов и областей – Ленинградская и Свердловская области с центрами в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Список может быть продолжен. Но в этом ряду есть пробел, нуждающийся в исправлении. Нам представляется, что на карту России во имя исторической справедливости должно вернуться еще одно наименование – город Сталинград. Целесообразность этого переименования состоит в символическом акте примирения «белого» и «красного» в истории нашей страны.

Библиографический список

1. Жуков, Ю. Н. Иной Сталин / Ю. Н. Жуков. – Москва : Аква-терм, 2010. – 512 с.
2. Колесов, М. С. «Советская Атлантида». Философские очерки / М. С. Колесов. – Севастополь : СевНТУ, 2010. – 464 с.
3. Млечин, Л. М. Зачем Сталин убил Троцкого / Л. М. Млечин. – Санкт-Петербург : АМФОР, 2015. – 352 с.
4. Радзинский, Э. Сталин / Э. Радзинский. – Москва : АСТ: Астрель, 2011. – 750 с.
5. Сталин, И. В. Политический отчет центрального комитета XVI съезду ВКП(б) / И. В. Сталин // Собр. соч. : в 13 т. – Москва : Госполитиздат, 1955. – Т. 12. – С. 235–261.
6. Сталин, И. В. О задачах хозяйственников / И. В. Сталин // Собр. соч. : в 13 т. – Москва : Госполитиздат, 1955. – Т. 13. – С. 29–42.
7. Стариков, Н. В. Сталин. Вспоминаем вместе / Н. В. Стариков. – Санкт-Петербург : ПИТЕР, 2015. – 416 с.
8. Косолапов, Р. И. Уверенно торить тропу в будущее : Доклад «О решениях XX и XXII съездов КПСС по вопросу «О культе личности и его последствиях»» на Чрезвычайном XXXII съезде СКП-КПСС 21 июля 2001 года // Сталин, И. В. Сочинения. – Тверь : Северная корона, 2004. – Т. 17. – С. 648–666.
9. Щербаков, А. Сталин против Троцкого / А. Щербаков. – Москва : ОЛМА Медиа Грузии, 2013. – 464 с.